

Толкачева С. В. Русские свадебные песни Удмуртской Республики : кинетический аспект / С. В. Толкачева // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 285—297. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-285-297.

Tolkachova, S. V. (2017). Russian Wedding Songs of Udmurt Republic: Kinetic Aspect. *Nauchnyy dialog*, 11: 285-297. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-285-297. (In Russ.).

УДК 398.841:392.51(470.51)

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-285-297

Русские свадебные песни Удмуртской Республики: кинетический аспект

© Толкачева Светлана Викторовна (2017), orcid.org/0000-0002-9362-3017, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела филологических исследований, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск, Россия), svetlana-tolk@mail.ru.

Статья посвящена особенностям кинетического аспекта исполнения свадебных песен. На материале русского песенного фольклора южных и центральных районов Удмуртской Республики автором выявлена ритуальная значимость движений, сопровождающих исполнение свадебных песен. Приведены диалектные названия свадебных песен. Обобщены сведения о видах движений, характерных для разных жанров свадебного музыкального фольклора. Сделан вывод о том, что они определялись этнографическим контекстом. Обнаружен факт восприятия информантами описания действия из песенного текста как реальности свадебного обряда. Продемонстрированы примеры полифонических напластований жанров свадебного песенного фольклора. Автором показано, что в исполнении ряда свадебных песен вербальный, акустический, музыкальный, кинетический коды ритуала могут обладать разной смысловой нагрузкой. Отмечено, что кинетика исполнения величаний и плясовых песен обнаруживает ярко выраженное игровое начало. Проанализированы вербальные и кинетические параллели в русском свадебном и календарном песенном фольклоре Удмуртии. Автор приходит к выводу о том, что сочетание в свадебном ритуале дублирующих кодов — кинетического, вербального, музыкального и других — усиливало сакральную значимость свадебного обряда. Семантическая полифония кодов ритуала придавала эпизодам свадебного обряда всеохватность, одновременное взаимодействие «этого» и «иного» миров.

Ключевые слова: русский фольклор Удмуртии; кинетический код; песни с движением; свадебные песни.

1. Введение

В русском календарном обрядовом фольклоре, бытовавшем на территории современной Удмуртии вплоть до недавнего времени, были широко распространены песенные жанры, неотъемлемо связанные с движением. Это хороводные, игровые, плясовые, качельные песни, припевки святочных гаданий «Илею» и т. д. [Стародубцева, 2001, с. 16–30; Стародубцева, 2004]. В русских традиционных свадебных ритуалах многие песни также исполнялись с движением. Среди них песни, сопровождающие обрядовые перемещения невесты, жениха, гостей, дарение даров, ритуальную пляску, некоторые другие свадебные эпизоды [Толкачева, 2010].

А. К. Байбурин и Г. А. Левинтон, исследуя свадебный ритуал, доказали, что «свадьба как сюжетный текст связана с движением, т. е. оказывается значимым противопоставлением движущегося и неподвижного, проявляющееся на самых разных уровнях» [Байбурин и др., 1978, с. 90]. Кинетический код, наряду с другими кодами свадебного ритуала, в каждой диалектной традиции отличается неповторимыми нюансами [Алексеева, 2014, с. 41; Толкачева 2016б, с. 135]. Кинетический аспект русской традиционной свадьбы Удмуртии рассматривался на примере локальных традиций населенных пунктов, расположенных в северной части региона, в результате чего были систематизированы ритуальные передвижения участников, проанализированы тексты свадебных песен и наименования персонажей обряда [Толкачева, 2010].

Данная статья посвящена более подробному исследованию соотношений ритуального движения с внутрижанровыми дефинициями свадебного песенного фольклора в южных и центральных районах современной Удмуртии.

2. Жанровый состав свадебного песенного фольклора южных и центральных районов Удмуртии

Основные функциональные группы свадебного песенного фольклора южных и центральных районов Удмуртии — песни, в поэтическом тексте которых комментируются обрядовые ситуации, в том числе исполняющиеся при прощании невесты с отчим домом, с семьёй, плясовые, величания, причитания.

Согласно местной терминологии в жанровом составе выделяются *песни*, среди них песни, *когда плакали и когда плясали, величания и припевки* после величания [Толкачева, 2016в, с. 30]. Все песни на свадьбах в южных и центральных районах Удмуртии исполнялись только девушками, приглашенными к невесте на помощь в шитье приданого. Исходя из вида их деятельности девушек называли *швейами* или *шитницами*.

В беседах, предварявших запись свадебных песен в экспедиционных условиях, рассказчики сначала концентрировались на зрелищных ситуациях. Прежде всего они вспоминали песни, звучавшие во время прибытия свадебного поезда к дому невесты и выкупа женихом невесты. Самые популярные из них — «Не было ветру» и «Зять у ворот».

Другие яркие впечатления от свадебных песен у информантов связаны с песнями, исполнявшимися при выводе невесты отцом и / или женихом к поезжанам и с обходом свадебного стола — «Солнышко шло» и «Выводил сударь-батюшка». Пение в этих ситуациях могло спровоцировать слезы у невесты и присутствующих [Толкачева, 2016а, с. 32—33, 36—37].

Песни, *когда плакали*, звучали при выходе из-за стола и / или отъезде жениха и невесты к венцу [Толкачева, 2016а, с. 35—37; Толкачева, 2016в, с. 30]. Песни, *когда плясали*, также исполнялись в важные моменты свадебного ритуала — при *выплясывании косы* невесты, при выкупе свахи, при продаже *курника* (обрядового пирога). *Величания* прославляли невесту, ее родню, гостей. После величания, если гость щедро расплачивался со *швеями*, на этот же мотив *припевкой* величали всю его родню. К величаниям исполнители могли причислять песни *для невесты*, которые комментировали обряд.

3. Плясовые песни

Кинетический план в музыкальном свадебном фольклоре наиболее ярко был проявлен в плясовых песнях. Плясовые песни в традиционных свадьбах Удмуртии выполняли ритуальную функцию [Стародубцева, 2001, с. 28—30]. К наиболее популярной в южном этнокультурном ареале Удмуртии относится свадебная плясовая «Кума к куме выходила» [Болдырева, 2015, с. 52; Толкачева, 2016в, с. 141—142]. Записи других образцов плясовых песен, зафиксированных в фольклорно-этнографических экспедициях, единичны. Это «Долина-долинушка» (село Арзамасцево Каракулинского района), «Ох, ты, мальчик мой» (дер. Черепаново Воткинского района).

«Долина-долинушка» — песня, исполнявшаяся в селе Арзамасцево Каракулинского района накануне *просватанья* [Толкачева, 2016а, с. 34; Толкачева, 2016б, с. 135—139; Толкачева, 2016в, с. 31—32]. Кинетический план песни разделялся на два параллельных ряда. Один ряд действий проходил на улице у ворот дома невесты. Подруги невесты пели песню и играли на импровизированных шумовых инструментах. Другой ряд разворачивался в сенях дома — невесте ставили под ноги полено, и она *голосила*. Таким образом, в данной песне, вербальный текст которой имеет явные признаки величания (озвучивание имен и отчеств жениха и невесты), в кинетическом плане проявляются свойства плясовой песни и причитания.

Плясовая песня «Ох, ты, мальчик» сопутствовала другой свадебной ситуации, также нетипичной для южных и центральных районов Удмуртии, но присущей свадьбам северного этнокультурного ареала. Во время выкупа дружками свахи после расплетения ею косы невесты подружки невесты стояли в кругу и плясовыми песнями «как бы заставляли сваху плясать» [Толкачева, 2015, с. 169; Толкачева, 2016б, с. 135—136].

Наиболее популярна в южном этнокультурном ареале свадебная плясовая «Кума к куме выходила», исполнявшаяся во время выноса и выкупа поезжанами *курника* — свадебного обрядового пирога или его имитации. *Курником* могли служить украшенные бумажными цветами свадебный пирог, зеркало, букет цветов, высохшее тесто, брюква, куст репья и т. д. Все исполнители отмечают, что и вынос, и выкуп *курника* сопровождался активными плясовыми движениями. Самая бойкая *швея* с приплясыванием обходила всех гостей, энергично тряся *курником* или подбрасывая его. В ряде населенных пунктов имелись указания, что во время пения плясали все *швеи* [Болдырева, 2015; Стародубцева, 2001, с. 29; Толкачева, 2013, с. 25—26; Толкачева, 2017а, с. 193; Толкачева, 2016б, с. 137—138, 141—142].

Другие плясовые песни исполнялись *швеями* во время посещений жениха и / или его гостевания с друзьями в доме невесты (в свадебных эпизодах с *пряниками ездили, по венки, столы мерили* и т. д.), а также в первый свадебный день после отъезда невесты с женихом на венчание [Толкачева, 2013, с. 17—18; Толкачева, 2017б, с. 84—85]. Так, в селе Вятское Каракулинского района на вопрос о пляске во время свадьбы рассказчицы радостно сообщили, что, конечно, плясали. И тут же, мысленно пройдя свадебные ситуации, одна из них категорически ответила, что поезжане никогда не плясали:

— *А плясали на свадьбе?*

— *Неужто нет? Нет. Только швеи попляшут, а поезд — никогда. Поезд выходит, сразу невесту забирает, увозят, и всё. Никаких плясок не было.*

— *А швеи под какие песни плясали?*

— *А швеи — дак чё, уедет поезд дак. Какая попало: «Тренти-бренти, балалайка»* [Калабина; Шумкова].

4. Песни, в текстах которых комментируется свадебный обряд

Большинство песен, в текстах которых комментируется ход свадебного обряда, звучали в первый свадебный день. Некоторые из них могли повторяться в сходном контексте до свадьбы или на второй день свадьбы. Наиболее типичные обрядовые ситуации, в которых звучали эти песни, —

встреча поезжан, выкуп жениха, вывод невесты к поезжанам (это мог делать отец невесты, жених, крёстная), дарение даров, выход жениха и невесты из-за стола и отъезд к венцу.

Жениха и поезжан *шведы* встречали у ворот дома невесты. При приближении свадебного поезда девушками исполнялась песня «Из поля, поля» и закрывались ворота. После выкупа дружками ворот и получения известия о готовности невесты к выходу к жениху пропевались «Не было ветру» и «Вьюн над водой».

Другая важная обрядовая ситуация — вывод невесты *за платочек с середи* (то есть кухни) отцом или женихом к свадебному столу, возле которого в ожидании стояли поезжане. Выводить невесту могла и её крёстная. Процессия трижды обходила свадебный стол «по солнышку». Здесь звучали песни «Ой, солнышко» / «Валя-то шла» и «Выводил сударь-батюшка» / «Солетала жо утиса».

Полевым записям песни «Ой, солнышко» / «Валя-то шла» практически всегда сопутствовали эмоциональные комментарии певиц о том, как невеста бросала свои ключи на стол: или эта песня вспоминалась по ситуации выброса ключей, или уже после её записи информанты опять погружались в проживание данного события. Пылкие рассказы собеседниц никогда не оставляли повода в сомнении о реальности данной ситуации. В расспросах об этом обычае женщины безапелляционно цитировали текст песни. И только в единичных беседах звучало: *В песне поётся дак* [Вострокнутова]. По-видимому, информантов настолько потрясала описанная в песне возможность бросания ключей от своего дома на стол, что в их памяти стиралась граница между реальностью действий и вымыслом текста (текст приведен в сокращении):

Солнышко шло, / По-за лесу катилось.

Наша-то Валя / По застолью шла.

Била ручьми / О дубовый новый стол.

Бросила ключи / Вдоль по лавице, вдоль по широкой.

— *Тятинька мой, / Подбери мои ключи, подбери золоты.*

Я у те была, / Я не клюшница, не замужница.

Клюшница я / Чужому отцу, чужой матери.

— *А кто её выводит?*

— *Отес. А вы нынче прячетесь, а раньше тоже из кухни выводили...*

За носовой платочек, и ведёт к жениху, отдаёт.

— *А все встают?*

— *Да, обязательно, конечно. Дорогу сразу оставляют жениху* [Калабина; Шумкова].

Еще одна свадебная ситуация, всегда сопровождавшаяся пением и передвижением, — дарение даров и подарков. Диалектное выражение *дары дарить / дарить свадьбу* относится к ритуалу преподнесения подарков невесты — полотенец, отрезков материала — гостям и родственникам. В южном этнокультурном ареале невеста могла дарить дары до свадьбы в обручение, в свадебный день, на второй день свадьбы. В дер. Патраки невеста одаривала поезжан и родных в сопровождении крёстного до выхода к столу [Ивонина; Михалева Ксения; Михалева Нина]. В других населённых пунктах невеста дарила дары уже после того, как её выводили к свадебному столу. Преподнесение даров невестой озвучивалось песнями «Ой, во поле дымы», «Ой, кто дары дарил», «Ой, во поле снежки»: *Невестина крёстна выводит [невесту к столу] и отдаёт жениху. Вот тогда и поют писню, «дары дарят». Перво оно «дары дарят» [надо] петь! А после даров уже да, её ведёт к жениху! С крёстным [невеста] дарит, она вместе ходит. Они вот придут, свадьба, так вот они построятся все. Стоят — женихова родня. Сперва стоит отец, мать, жених. И дальше всё вот так стоят. И вот дарят, начинают «дарить свадьбу»* [Ивонина; Михалева Ксения; Михалева Нина].

Подарки — шапочка или рукавицы для *повозника*, муфта для свахи, часы для тысяцкого, плети для дружек — изготавливались и вручались *швеями* после исполнения величания соответствующему чину. Плети и цветы презентовались дружкам сразу же по их приезде в дом невесты в свадебный день: *А дарили за столом. Вот когда поют: «На повозничке шапочка да, / На нём шапочка бархатная...»! Вот ему одевают шапочку, рукавицы ему и цветок. И вот он должен оплатить это. Тарелочку представляют. Спели песню его — и за шапочку, за рукавицы, и за плётку, и за всё, за цветок — всё должен оплатить девушкам* [Липина].

Песни, под которые жених и невеста отъезжали под венец, всегда сопровождалась плачем всех присутствующих. В местном диалекте эта ситуация обозначалась выражением *тут плачут*. Жених выводил невесту на улицу, в это время звучала специальная, обычно отличная в каждой диалектной традиции, песня. После того, как жених и невеста целовали иконы и рассаживались в разные повозки, поезд трижды обходили дружки, «брыкая» в колокол [Толкачева, 2016а, с. 32—39].

5. Величания и припевки

Первые величания — на «спевках» — исполнялись *швеями* в доме невесты после *просватанья* — ритуала официального признания девушки невестой. Там величания пропевались для родственников невесты и посе-

тителей. В свадебный день величания звучали после вывода невесты к свадебному столу и предназначались поезжанам, родителям невесты, жениху и невесте. Общее для большинства населённых пунктов кинетическое сопровождение величаний происходило следующим образом. Во время пения швеи всегда притоптывали, приплясывали. После величания *швеи* подходили к «*обвеличенному*» гостю со стаканом / кружкой / блюдцем / тарелочкой для сбора денег. В некоторых населённых пунктах *швеи* угощали поезжан брагой. Если, по мнению *швей*, денег было мало, то они исполняли специальные песни, в которых *ругали* этого человека.

Среди полевых фонозаписей в фонограммархиве Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук имеется рассказ о том, что после величания гость мог неожиданно перевернуть тарелку. В этом случае все *швеи* должны были поцеловать этого гостя: «Ну, с песенкой вас!». *И тарелочку под денежки он даст, тарелку-ту. А девчонки держат тарелку в руке. Как только оплошали, он берёт тарелку — да и вот так перевёртывает! Целовать надо! Все певчие должны его целовать! А он — старик, тут — молодые! Давай целовать все его! Ну, это всё для шутки, ради шутки!* [Липина].

Таким образом, во время величания *швеи* приплясывали, но собственно плясовых движений не совершали. Радостный настрой, который создавался этими песнями, далее поддерживался игровой кинетикой, шутливыми, юмористическими ситуациями.

Величания сопутствовали и обычаю дарения подарков поезжанам. То есть жанр величания частично принимал на себя функцию комментирования хода свадебного обряда.

Итак, большинство свадебных песен в южных и центральных районах Удмуртии сопровождалось движениями. Это могли быть танцевальные движения — пляска, приплясывание, хороводное хождение кругом, шествие, игровые действия, перемещения свадебного поезда. В соотношении вербального и акционального кодов в песне «Выводил сударь батюшка» наблюдается интересная ситуация. Недопустимое, с точки зрения крестьянской морали и нравственности, но необходимое, семантически значимое для ритуала действие выбрасывания ключей, описанное в тексте, воспринималось участниками свадебного обряда как реальность.

6. Кинетические параллели русского музыкального свадебного и календарного фольклора Удмуртии

В состав русского свадебного фольклора южного этнокультурного ареала Удмуртии хороводно-игровые песни включались очень редко. По всей

территории современной Удмуртии хороводно-игровые песни имели календарную приуроченность. Большой корпус песен был жестко закреплен за календарем, другие песни обладали большей свободой по отношению к календарному времени, но всегда исполнялись в сходном этнографическом контексте (например, на вечерках). По полевым материалам автора, только в дер. Ендовка Каракулинского района информантами отмечалось, что на свадьбе звучали вечерошные песни с круговой хореографией (например, «Сырый бор горит») [Стародубцева, 2001, с. 286—288, 400—401].

Концепты свадебного обряда в русском календарном фольклоре на территории современной Удмуртии встречаются и в ситуациях, и в текстах. Так, одной из целей пропевания пасхальной песни «Красненько яичушко» было желание молодёжи обнародовать сердечные привязанности друг друга, что напрямую зафиксировано в тексте: «Красненько яичушко, скажи-ко женишка!..» [Стародубцева, 2001, 50—51].

Контекст исполнения большинства календарных песен подразумевал выбор парнем девушки или нескольких человек — невесты и новой «родни» — или до звучания песни, или уже в процессе её разыгрывания [Стародубцева, 2001, с. 36—37, 42]. Также упоминание чинов свадебного обряда в текстах календарных песен было достаточно частым явлением. Например, игры в «Бояр», в «Просо», в «Розочку алую» информанты комментировали как *женитьбу*, соответственно в них фигурировали персонажи *жених*, *невеста*, *сваха* [Стародубцева, 2001, с. 37—39, 191—193, 197—198]. Свадьба или женитьба упоминается в песнях «Вдоль по улице по шведской» [Стародубцева 2001, с. 196—197], «Туман, туман при долине» [Стародубцева, 2001, с. 261—263], во многих других образцах.

В свадебной и календарной обрядности семантически близкими оказываются энергичная тряска предметов в блюде во время святочного гадания «Илию» и подбрасывание свадебного *курника* [Толкачева, 2016б, с. 140—141].

7. Выводы

Рассмотрение кинетического кода в свадебных песнях южных и центральных районов Удмуртии показало ритуальную значимость движений. Как уже упоминалось, все свадебные песни в южном этнокультурном ареале Удмуртии исполнялись только *швеями*. В акциональном и кинетическом кодах ритуала, сопровождавших пение, были задействованы большинство присутствующих. Во время исполнения невеста, жених, родители, гости могли участвовать в шествиях, в ритуальных перемещениях, в игровых эпизодах, например, в выкупах невесты, свахи.

Виды движений в свадебном музыкальном фольклоре определялись этнографическим контекстом. В шествиях особая роль принадлежала «графике» хореографической композиции — линейной или круговой, которая на уровне кинетики подчеркивала сакральную торжественность свадебного действия.

Плясовые и игровые движения были тесно связаны. Радостная атмосфера, в которой они совершались, тем не менее, координировалась с глубоким ритуальным контекстом и подтекстом. Плясали и пританцовывали на свадьбе только подруги невесты. Из всех поезжан разрешалось плясать только свахе жениха. Сваха жениха — особый человек на свадьбе [Толкачева, 2015, с. 163]. Единственная женщина среди поезжан, посредник между родом невесты и родом жениха, именно она *высватывала* невесту. Ее роль «захватчицы» невесты пролонгировалась и на первый день свадьбы, где она главенствовала в выкупе косы невесты. Кинетика плясового движения свахи на выкупе косы невесты подчеркивала ее чужеродность, «инаковость» по отношению к присутствующим: представитель рода жениха, но среди поезжан-мужчин — единственная женщина. Таким образом, сваха жениха исполняла роль медиатора между миром реальным и миром «иным».

Кинетика *швей* в хореографическом плане оказалась значительно расширена по сравнению с остальными присутствующими на свадьбе. Движения *швей* в кинетическом коде свадебных песен охватывали притоптывания, приплясывания, игровые действия, собственно пляску после отъезда свадебного поезда на венчание. Притоптывания и приплясывания *швей* во время исполнения величаний свидетельствуют о радостной, игровой атмосфере первого свадебного дня.

Сочетание «закодированного» сакрального смысла свадебного обряда и смеховой обстановки, в игровых и плясовых движениях, в веселых, зачастую «скоморошских», текстах придавало свадебным эпизодам с участием плясовых песен особые статус и глубину.

При исследовании взаимосвязей вербального и кинетического кодов выявлен факт восприятия информантами описания действия из песенного текста как реальности свадебного обряда (...*бросила ключи вдоль по лавочке*). Контекст исполнения некоторых свадебных песен показал варианты полифонического напластования жанров, образованного тем, что вербальный, акустический, музыкальный, кинетический коды ритуала могли обладать разной смысловой нагрузкой. Например, в песне «Долина-долинушка» кинетический код характерен для плясовых песен и причитаний, вербальный — для плясовых песен и величаний, акустический — для плясовых песен и причитаний.

Обращение к кинетическому аспекту исполнения величаний продемонстрировало обилие ярко выраженных игровых движений, обусловленных этнографическим контекстом. Так, величания включались в свадебный эпизод преподнесения подарков поезжанам. После исполнения величаний могли возникать шуточные игровые ситуации. Наконец, пропевание величаний служило своеобразным психологическим тестом, испытанием гостя на щедрость или жадность.

Итак, фактически весь свадебный песенный фольклор южного этнокультурного ареала современной Удмуртии сопровождался определёнными видами движений — круговым, линейным, плясовым, игровым. Сочетание в свадебном ритуале дублирующих кодов — кинетического, вербального, музыкального и других — усиливало сакральную значимость свадебного обряда. Семантическая полифония кодов ритуала придавала эпизодам свадебного обряда всеохватность, одновременное взаимодействие «этого» и «иного» миров.

Информанты

Вострокнутова — Вострокнутова Анисья Николаевна, 1923 г. р., дер. Черепаново Воткинского района Удмуртской Республики.

Ивошина — Ивошина Елизавета Михайловна, 1933 г. р., дер. Патраки Якшур-Бодьинского района Удмуртской Республики.

Липина — Липина Галина Степановна, 1935 г. р., уроженка совхоза «Удмуртский» Сарапульского района Удмуртской Республики, г. Ижевск.

Михалева Ксения — Михалева Ксения Яковлевна, 1920 г. р., дер. Патраки Якшур-Бодьинского района Удмуртской Республики.

Михалева Нина — Михалева Нина Валентиновна, 1950 г. р., дер. Патраки Якшур-Бодьинского района Удмуртской Республики.

Калабина — Калабина Зинаида Григорьевна, 1937 г. р., село Вятское Каракулинского района Удмуртской Республики, уроженка дер. Обухи.

Шумкова — Шумкова Вера Егоровна, 1929 г. р., село Вятское Каракулинского района Удмуртской Республики, уроженка дер. Обухи.

Литература

1. *Алексеева О. И.* Народная хореография как составная компонента музыкального фольклорного наследия / О. И. Алексеева // Наука. Искусство. Культура. — 2014. — Вып. 3. — С. 34—41.

2. *Байбурин А. К.* К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе / А. К. Байбурин, Г. А. Левинтон // Русский народный свадебный обряд : исследования и материалы. — Ленинград : Наука, 1978. — С. 89—106.

3. *Болдырева В. Г.* Песня «Кума, кума выходила» в свадебной традиции Среднего Прикамья / В. Г. Болдырева // Исторические, философские, политические

и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 11 (61). — Ч. II. — С. 49—52.

4. *Стародубцева С. В.* Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья / С. В. Стародубцева. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2001. — 421 с.

5. *Стародубцева С. В.* Русские качельные песни в традиционной культуре Удмуртии / С. В. Стародубцева // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья : сборник статей. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2004. — С. 128—132.

6. *Толкачева С. В.* Акциональные и акустические параллели в русских и удмуртских свадебных обрядах / С. В. Толкачева // Ежегодник финно-угорских исследований. — 2016а. — Т. 10. — Вып. 4. — С. 31—41.

7. *Толкачева С. В.* Веник как атрибут традиционной русской свадьбы в Удмуртской Республике / С. В. Толкачева // Научный диалог. — 2017а. — № 6. — С. 83—95.

8. *Толкачева С. В.* Организация пространства в русских свадебных обрядах северных районов Удмуртии / С. В. Толкачева // Вестник Удмуртского университета. — 2010. — Серия 5: История и филология. — Вып. 4. — С. 119—123.

9. *Толкачева С. В.* Особенности бытования русской свадебной обрядности в Удмуртской Республике : хореография, кинетика, атрибутика / С. В. Толкачева // Научный диалог. — 2016б. — № 11 (59). — С. 134—146.

10. *Толкачева С. В.* Русские традиционные свадебные песни и причитания южных районов Удмуртии / С. В. Толкачева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016в. — № 8. — Ч. 2. — С. 29—36.

11. *Толкачева С. В.* Русский музыкальный свадебный фольклор Удмуртии : учебно-методическое пособие / С. В. Толкачева. — Ижевск : Удмуртский университет, 2013. — 60 с.

12. *Толкачева С. В.* Терминология чинов партии жениха в свадебных обрядах русских жителей Удмуртии / С. В. Толкачева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 3. — Ч. 3. — С. 162—167.

13. *Толкачева С. В.* Фольклор русских переселенцев в контексте местной традиционной культуры : феномен свадебного обряда села Арзамасцево Удмуртской Республики / С. В. Толкачева // Научный диалог. — 2017б. — № 10. — С. 188—199.

Russian Wedding Songs of Udmurt Republic: Kinetic Aspect

© **Tolkachova Svetlana Viktorovna (2017)**, orcid.org/0000-0002-9362-3017, PhD in Philology, senior research scientist, Department of Philological Research, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural branch of Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia), svetlana-tolk@mail.ru.

The article is devoted to peculiarities of the kinetic aspect of the performance of wedding songs. Based on Russian song folklore of southern and central districts of the Ud-

murt Republic, the author identified the ritual significance of movements that accompany the performance of wedding songs. The dialectal names for wedding songs are given. Summarized data on types of movements typical for different genres of wedding musical folklore. It is concluded that they are determined by the ethnographic context. The fact of perception by the informants of description of the action from the song text as the reality of the wedding ceremony is discovered. The examples of polyphonic layers of genres of wedding song folklore are demonstrated. The author shows that verbal, acoustic, musical, kinetic codes of ritual can have a different meaning in the performance of a number of wedding songs. It is noted that the kinetics of the performance of wedding songs has brightly expressed game nature. Verbal and kinetic parallels in the Russian wedding and calendar folk songs of the Udmurt Republic are analyzed. The author comes to the conclusion that the combination of duplicating codes in the wedding ritual — kinetic, verbal, musical and other — have reinforced the sacred significance of the wedding ceremony. Semantic polyphony of codes of ritual gave the episodes of the wedding ceremony totality and one-time interaction between “this” and “other” worlds.

Key words: Russian folklore of Udmurtia; kinetic code; songs with movement; wedding songs.

References

- Alekseyeva, O. I. 2014. Narodnaya khoreografiya kak sostavnaya komponenta muzykalnogo folklornogo naslediya. *Nauka. Iskusstvo. Kultura*, 3: 34—41.
- Bayburin, A. K. Levinton, G. A. 1978. K opisaniyu organizatsii prostranstva v vostochnoslavjanskoj svad’be. In: *Russkiy narodnyy svadebnyy obryad: issledovaniya i materialy*. Leningrad: Nauka. 89—106.
- Boldyreva, V. G. 2015. Pesnya «Kuma, kuma vykhodila» v svadebnoj traditsii Srednego Prikamya. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, 11 (61)/2: 49—52. (In Russ.).
- Starodubtseva, S. V. 2001. *Russkaya khorovodnaya traditsiya Kamsko-Vyatskogo mezhdurechya*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).
- Starodubtseva, S. V. 2004. Russkiye kachelnye pesni v traditsionnoj kulture Udmurtii. In: *G. E. Vereshchagin i etnokulturnoye razvitiye narodov Uralo-Povolzhya: sbornik statey*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. 128—132.
- Tolkachova, S. V. 2010. Organizatsiya prostranstva v russkikh svadebnykh obryadakh severnykh rayonov Udmurtii. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya 5: Istoriya i filologiya*, 4: 119—123.
- Tolkachova, S. V. 2013. *Russkiy muzykalnyy svadebnyy folklor Udmurtii: uchebno-metodicheskoye posobiye*. Izhevsk: Udmurtskiy universitet. (In Russ.).
- Tolkachova, S. V. 2014. Nominatsii lokusa zhenikha v russkom svadebnom folklore Udmurtii. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya 5, Istoriya i filologiya*, 4: 91—96. (In Russ.).
- Tolkachova, S. V. 2015. Terminologiya chinov partii zhenikha v svadebnykh obryadakh russkikh zhitel’ey Udmurtii. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 3/3: 162—167. (In Russ.).
- Tolkachova, S. V. 2016a. Aktsionalnyye i akusticheskiye paralleli v russkikh i udmurtskikh svadebnykh obryadakh. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*, 10/4. (In Russ.).

- Tolkachova S. V. 2016b. Osobennosti bytovaniya russkoy svadebnoy obryadnosti v Udmurtskoy Respublike: khoreografiya, kinetika, atributika. *Nauchnyy dialog*, 11 (59): 134—146. (In Russ.).
- Tolkachova, S. V. 2016v. Russkiye traditsionnyye svadebnyye pesni i prichitaniya yuzhnykh rayonov Udmurtii. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 8/2: 29—36. (In Russ.).
- Tolkachova, S. V. 2017. Broom as Attribute of Traditional Russian Wedding in Udmurt Republic. *Nauchnyy dialog*, 6: 83—95. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-83-95. (In Russ.).
- Tolkachova, S. V. 2017. Folklore of Russian Resettlers in Context of Local Traditional Culture: Phenomenon of Wedding Ceremony in Arzamastsevo of Udmurt Republic. *Nauchnyy dialog*, 10: 188—199. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-188-199. (In Russ.).